

Москва в лицах: о судьбе Бориса Пастернака

Вечности заложник

Лев КОЛОДНЫЙ

ПЕРВЫЙ пик славы Пастернака приходится на начало тридцатых годов, когда после самоубийства Маяковского высвободился как бы трон короля поэзии и на его место подталкивали автора поэм «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт».

Особенно старался в этом направлении Николай Бухарин, чуть было не увлекший за собой в пропасть своего любимца.

Пастернак принадлежал к тому редкому типу поэтов, которые не жаждут шумной славы, знаков всеобщего внимания, особенно со стороны властей. Ему принадлежит признание, в искренности которого нельзя сомневаться:

Быть знаменитым — некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Пастернак мог разжечь печь черновиками, которые бы сейчас хранились в любом уважаемом архиве.

Его сознание определялось не бытием. Он жил по нравственным законам собственной души. Его духовный лад не зависел от житейского разлада.

Поэтому злосчастные проработки на собраниях и в периодической печати, которые регулярно обрушивались на его голову, переживались удивительно легко, не нарушая работоспособности, настроения, не выбывая из привычной колеи, и это приводило в ярость его хулителей.

Один из раскатов грома прогремел в 1933 году, когда была запрещена «Охранная грамота», автобиографическое сочинение в прозе.

Отчуждение Пастернака от официальных сфер началось, когда он избавился от прежних иллюзий относительно улучшения жизни и смягчения режима. Вот тогда доказал, что его недавний призыв не терять лица ради положения — не только красивые слова. Он пошел наперекор установкам в отношении искусства, которые стали насаждаться в директивных статьях относительно музыки Шостаковича. Из уст «богемца» и «небожителя» присутствовавшие на собрании, где травил великого композитора, вдруг услышали вполне земные слова: «Не орите, а уже если вы орете, то не все на один голос, орите на разные голоса».

Об этом душевном переломе свидетельствует признание поэта:

«Именно в 1936 году, когда начались эти страшные процессы (вместо прекращения поры жестокости, как мне в 1935 году казалось), все сломилось во мне, и единение со временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал».

Как видим, Борис Пастернак опередил современников на целых двадцать лет, духовно прозрел и увидел то, что все поняли только после выступления на XX съезде партии Н. С. Хрущева.

С конца двадцатых годов поэт начал сочинять повесть под условным названием «Революция» — о «жизни и смерти», судьбе своего поколения. Повесть должна была стать частью большого романа. Мысль о романе-эпопее преследовала поэта многие годы.

Из письма сестре Ольге Фрейденберг, датированного 5 октября 1946 года, известно, что в том году он все свое время отдавал роману, который первоначально назывался «Мальчики и девочки», охватывал период с 1902 по 1946 год, к тому дню написал «четверть всего задуманного или пятую его часть. Это все очень серьезные работы. Я уже стар, скоро, может быть, умру, и нельзя до бесконечности откладывать свободного выражения настоящих своих мыслей».

В 1946 году Борис Пастернаку, считавшему себя старым, исполнилось 56 лет. Как раз осенью того года он познакомился в редакции «Нового мира» с сотрудницей отдела поэзии Ольгой Ивинской, переводчицей. В его жизнь вошла любовь, которая прибавила силы преодолеть страдания, выпавшие на его долю.

С начала работы над романом автор ни от кого не скрывал ее. Написанные главы читал друзьям, знакомым как у себя дома, так и в гостях. Писал для советского читателя. Что это так доказывает, в частности, договор, заключенный на будущий роман с редакцией журнала «Новый мир», датированный 23 января 1947 года. Во время чисток друзья давали советы, в частности, предложили «усилить и детализовать революционный фон изложения, стоявший на заднем плане. Теперь я его вынес вперед...». Константин Федин, сосед по даче, слушатель романа, поразился, что ни разу в нем не упомянуто имя Сталина. Выводы из этого замечания Пастернак не сделал.

Один из давних хулителей, Алексей Сурков, выступавший против поэта на первом съезде писателей, обрушился на Пастернака в газете «Культура и жизнь», служившей рупором Жуdanовщины. В статье, которую с полным правом можно отнести к разряду политических доносов, утверждалось среди прочего: «советская литература не может мириться с его поэзией».

По Москве пошел слух, что пишет Пастернак «контрреволюционный роман».

Вслед за Алексеем Сурковым Александр Фадеев причислил Пастернака к «нашим идейным противникам».

Нападки не прекратились и в 1948 году. И как результат — опечатанный том «Избранного» пошел под нож. Это случилось в апреле. В том же месяце Пастернак пишет: «Мне не на что жаловаться, я доволен жизнью. Но мне хотелось бы поскорее дописать роман». К тому времени романист решил назвать сочинение «Доктор Живаго», главным героем писал стихи и представлялся автору как «некто среднее между мной, Блоком, Есениным и Маяковским».

В следующем году Пастернак приступил ко второй части романа. Как раз тогда началась борьба с прославленным космополитизмом. Снова прозвучали нападки, на сей раз поэту вменялось в вину его происхождение...

Однако все эти гонения были ничто по сравнению с той бедой, которая обрушилась на голову многие годы ждавшего ареста поэта.

Арест последовал осенью 1949 года. Взяли, однако, не его. Под стражей оказалась Ольга Ивинская. На четырнадцатый день после ареста ее вызвали к следовате-

мать и рассказать, что за роман Пастернак пускает по рукам. Вам известно антисоветское содержание романа?»

Прочитав показания Ивинской, заявил: «Не то вы пишете, не то. Вам надо написать, что он является клеветой на советскую действительность...».

Спустя полгода после ареста Ивинской на Лубянку вызвали Пастернака. Ему предложили по телефону немедленно явиться. А когда явился — выдали изъятые у Ивинской дарственные книги и письма к ней.

Арестовали и отправили в лагерь Ольгу Ивинскую. Наказывали тем самым поэта, хотя его самого не взяли.

И этот удар вынес стоически. «Я по-прежнему живу как хочу, и здоров и счастлив этим правом, за которое готов заплатить жизнью», — писал он спустя год после того, как «любовная лодка» уплыла на долгие годы в холодные воды лагерных рек.

Счастье и смысл жизни придавала работа. Завершался роман, переводились Гете, Шекспир.

Однако силы таяли, осенью 1952 года случился первый инфаркт. Пастернака отвезли в Боткинскую больницу, где он лежал, как все несчастные, пять часов в приемном покое, потом ночь в коридоре до тех пор, пока не освободилось место в палате. Даже здесь, один на один со смертью, видя за окном за верхушками деревьев зарево Москвы, он, по его словам, молился, «ликовал и плакал от счастья».

...Осенью 1953 года вернулась Ольга Ивинская, начали возвращаться из лаге-

рей невинные. Но и тогда, чувствуя, что «время мое еще не пришло», продолжал без устали писать роман и стихи в тетрадь Юрия Живаго. «Десять стихов из романа» появились в апрельском номере журнала «Знамя», спустя год после смерти Сталина.

Наступила недолгая «оттепель», но отношения с «сановниками литературы» не теплели, а с «официальной действительностью» оставались натянутыми до предела. Пастернак одним из первых почувствовал, что вместо разоблаченного культа начинает формироваться в печати новый «культ безличья».

Куль личности лишен величия.
Но в силах культ трескучих фраз,
И культ мещанства и безличья
Быть может вырос во сто раз.
И каждый день приносит тупо
Так, что и вправду неутерпел,
Фактографические группы
Одних свиноподобных рож.

Растаял снег, наступила весна, а редакции не спешили публиковать «Доктора Живаго».

Константин Федин в узком кругу называл роман «гениальным». Но его подпись оказалась среди подписей пяти членов редколлегии журнала «Новый мир», которые отказали автору в публикации. Произошло это в середине сентября 1956 года.

Однако за несколько месяцев до этого отказа в мае случилось вот что. Как пишут биографы поэта В. М. Борисов и Е. Б. Пастернак: «В мае 1956 года один из членов иностранной коллегии Союза писателей привез в гости к Пастернаку члена Итальянской компартии и сотрудника итальянского радиовещания в Москве Серджис Д'Анджело. В обстановке официального визита один из экземпляров романа с дефектным и неправильным текстом был передан Д'Анджело для ознакомления». (Выделено редакцией).

Здесь хочется внести уточнение. Не для ознакомления отдал рукопись романа Борис Леонидович. А для того, чтобы его напечатали за границей, потому что веры в то, что выйдет книга на Родине, у него почти не осталось.

«У меня сегодня был Серджис Д'Анджело, — сообщил поэт Ольге Ивинской, — эмиссаро крупнейшего издателя Италии Фельтринелли. Он заинтересовался моим романом! И я сказал, что если он им понравится, — пусть используют его как хотят».

«Используют как хотят» это совсем не «ознакомление».

Верно, что сам Пастернак не искал встреч с иностранными издателями, сам к ним не обращался. Однако всем ходом событий был готов к тому решительному шагу, который сделал тогда, в конце мая 1956 года. Итальянский коммунист в разговоре с автором акцентировал внимание на изменении после XX съезда партии политического климата в стране и в мире. После недолгой беседы Пастернак, никому ничего не сказав дома, ни с кем не советуясь, взял и вынес рукопись романа... Прощаясь, сказал итальянцу: «Вы пригласили меня на собственную казнь». Он был готов ко всему, даже к казни.

Когда, ознакомившись с рукописью, издатель сообщил о своем намерении издать роман на итальянском языке, Пастернак 30 июня ему ответил, что будет этому рад, хотя и предвидел: «Если его публикация здесь, обещанная многими журналами, задержится и вы ее опередите, ситуация будет для меня трагически трудной».

Ни казнь, ни трагедия, ничто, однако, не в силах было остановить автора, решившего опубликовать выстраданный роман.

Когда Ольга Ивинская и Серджис Д'Анджело, который понял, в какую опасную историю втянул поэта, уговаривали его дать «задерживающую» телеграмму издателю, тот повел себя так:

«Пастернак почти кричал, что мы обращаемся с ним как с человеком без достоинства». «Что должен думать Фельтринелли, которому я недавно писал, что опубликование «Доктора Живаго» есть главная цель моей жизни?»

тора была договоренность с издателем — верить только телеграммам и письмам, написанным по-французски!

«Доктор Живаго» вышел на итальянском в ноябре 1957 года. Началось триумфальное шествие романа по земному шару, в течение двух лет его издали на 24 языках!

Спустя год после публикации в Италии Шведская академия наук присудила Пастернаку Нобелевскую премию. До него этой чести из русских авторов удостоивался Иван Бунин. «Бесконечно благодарен, тронут, горд, удивлен, смущен», — телеграфировал в Стокгольм поэт.

Однако совсем другие чувства испытывали «сановники от литературы», и в первую очередь Алексей Сурков, обвинивший Пастернака в предательстве!

Явился на дачу Константин Федин и заявил, что от Пастернака требуют, чтобы он «добровольно отказался» от премии.

Началась невиданная прежде травля в печати, аналогичная тем, что происходили в сталинские времена. В один ряд ставились Иуда, бедный доктор Юрий Живаго и автор. Часть студентов Литинститута, ведомая Николаем Сергванцевым и Владимиром Фирсовым, вышли на демонстрацию с требованием — выслать поэта за границу!

Именно эта угроза и привела поэта к мысли принять такое решение, отказаться от награды, уступить нажиму «официальной действительности». Снова, ни с кем не советуясь, никому ничего не говоря, поехал на телеграф и отправил депешу:

«В связи со значением, которое придает вашей награде то общество, к которому я принадлежу, я должен отказаться от присужденного мне незаслуженного отличия. Прошу вас не принять с обидой мой добровольный отказ». День 29 октября, когда ушла эта телеграмма, стал самым черным в жизни Пастернака. Именно тогда, вечером, выступая на пленуме ЦК ВЛКСМ, председатель Комитета государственной безопасности В. Е. Семичастный предложил выслать поэта из СССР. В начале речи сравнил его с «паршивой овцой». Затем подробно, со знанием предмета сопоставил со свиньей, при этом сравнении предпочтение отдавалось животному. Недавно из интервью с В. Е. Семичастным стала известна подноготная этой акции, подлинное имя автора этих слов. Им оказался Н. С. Хрущев, который наговорил проект речи с образами свиньи и паршивой овцы. Речь правилась М. А. Сусловым.

Что совсем поразительно — ни Семичастный, ни Хрущев, ни Суслов романа тогда не читали, как и те, кто выходил на демонстрацию, кто голосовал за исключение поэта из Союза писателей, осуждал в печати. Повторилась история, памятная со времен 1937 года.

Вот какие смертные муки выпали поэту на 69-м году его жизни.

Пастернак замечался, испугался угроз, написал было об эмиграции, но тут же порвал бумагу: «Пусть будут родные, будни, родные березы, привычные неприятности и даже — привычные гонения».

На дом к поэту прислали врача, чтобы глаз с него не спускал, не дал наложить на себя руки. 31 октября Пастернак направил письмо Н. С. Хрущеву: «...Я связан с Россией рождением, жизнью, работой... Выезд за пределы моей Родины для меня равносильна смерти, и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры. Положа руку на сердце, я кое-что сделал для советской литературы и могу еще быть ей полезен». В тот день, когда отправлено было это письмо, общее собрание Союза писателей исключило Пастернака из своих рядов.

К чести русской литературы нашелся в те дни человек, оказавшийся воином в поле, против которого бушевала толпа авторов поэмы, романов и пьес. То был редактор издательства, где должен был выйти, но не вышел «Доктор Живаго». Он читал роман и не раз, читал с карандашом в руках, мог вникнуть в его содержание, а вникнув, понял то, что сегодня ясно каждому. Анатолий Васильевич Старостин встал и сказал тогда:

— Я получил в руки совершеннейшее произведение искусства. Вы же сделали из него повод для травли.

Так стало меньше на одного члена Союза писателей. Но гражданином СССР не убавилось. Поэтому прибывшему в ЦК объявили, что ему разрешено остаться на Родине.

Вот какой ценой заплатил Пастернак за стремление к свободе. Когда смолкли крики, он написал стихотворение «Нобелевская премия»:

Я попал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет.
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет...

Написал и вручил английскому корреспонденту, чтобы тот передал родным сестрам в Англии. Оно было, однако, передано не только сестрам, но и всему миру по радио.

Пастернак вынес все страдания, нашел в себе силы продолжать работу. Писал пьесу... И не сожалел о содеянном, благодарил итальянских издателей за все, что они сделали для него, просил прощения за «обидные неприятности, которые навлекла на вас моя злополучная судьба...».

Рукопись, данная итальянскому издателю, была не единственная, попавшая на Запад.

В 1957 году, в феврале, до выхода романа в Италии, автор подарил еще одну рукопись французскому литературоведу Жаклин де Прауйар. То был машинописный вариант, «за недосугом оставшийся непроверенным», побывавший безрезультатно в редакции «Нового мира» и возвращенный оттуда за ненадобностью. Этот текст издан на русском языке в 1978-м за границей усилиями Жаклин де Прауйар.

Как видим, Пастернак стремился, чтобы главный труд его жизни не канул в Лету. На тот случай, если бы вдруг роман оказался конфискованным (а такие опасения вполне были обоснованны, как показывает опыт), позаботился, чтобы копии его остались на свободе.

Природа наделила поэта поразительным жизнелюбием и жизнестойкостью. Он работал после октябрьской бури 1958 года недолго. Вскоре его разбил второй инфаркт, затем скрутил скоротечный рак, напоминающий тот, который перенес пораженный в сердце Александр Твардовский.

Последними на этой земле были два слова поэта, услышанные женой Зинаидой Николаевной. Первое — прости. Второе — рад. Жена отнесла их оба на свой счет. Она полагала, что он был рад, что умирает на ее руках. Мне думается, последнее слово относилось не к ней. Пастернак на

Вечности заложник

Лев КОЛОДНЫЙ

ПЕРВЫЙ пик славы Пастернака приходится на начало тридцатых годов, когда после самоубийства Маяковского высвободился как бы трон короля поэзии и на его место подталкивали автора поэм «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт».

Особенно старался в этом направлении Николай Бухарин, чуть было не увлекший за собой в пропасть своего любимца. Пастернак принадлежал к тому редкому типу поэтов, которые не жаждут шумной славы, знаков всеобщего внимания, особенно со стороны властей. Ему принадлежит признание, в искренности которого нельзя сомневаться:

**Быть знаменитым — некрасиво,
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.**

Пастернак мог разжечь печь черновиками, которые бы сейчас хранились в любом уважаемом архиве.

Его сознание определялось не бытием. Он жил по нравственным законам собственной души. Его духовный лад не зависел от житейского разлада.

Поэтому злосчастные проработки на собраниях и в периодической печати, которые регулярно обрушивались на его голову, переживались удивительно легко, не нарушая работоспособности, настроения, не выбивая из привычной колеи, и это приводило в ярость его хулителей.

Один из раскатов грома прогремел в 1933 году, когда была запрещена «Охранная грамота», автобиографическое сочинение в прозе.

Отчуждение Пастернака от официальных сфер началось, когда он избавился от прежних иллюзий относительно улучшения жизни и смягчения режима. Вот тогда доказал, что его недавний призыв не терять лица ради положения — не только красивые слова. Он пошел наперекор установкам в отношении искусства, которые стали насаждаться в директивных статьях относительно музыки Шостаковича. Из уст «богемца» и «небожителя» присутствовавшие на собрании, где травил великого композитора, вдруг услышали вполне земные слова: «Не орите, а уже если вы орете, то не все на один голос, орите на разные голоса».

Об этом душевном переломе свидетельствует признание поэта:

«Именно в 1936 году, когда начались эти страшные процессы (вместо прекращения поры жестокости, как мне в 1935 году казалось), все сломилось во мне, и единение со временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал».

Как видим, Борис Пастернак опередил современников на целых двадцать лет, духовно прозрел и увидел то, что все поняли только после выступления на XX съезде партии Н. С. Хрущева.

С конца двадцатых годов поэт начал сочинять повесть под условным названием «Революция» — о «жизни и смерти», судьбе своего поколения. Повесть должна была стать частью большого романа. Мысль о романе-эпопее преследовала поэта многие годы.

Из письма сестре Ольге Фрейденберг, датированного 5 октября 1946 года, известно, что в том году он все свое время отдавал роману, который первоначально назывался «Мальчики и девочки», охватывал период с 1902 по 1946 год, к тому дню написал «четверть всего задуманного или пятую его часть. Это все очень серьезные работы. Я уже стар, скоро, может быть, умру, и нельзя до бесконечности откладывать свободного выражения настоящих своих мыслей».

В 1946 году Борису Пастернаку, считавшему себя старым, исполнилось 56 лет. Как раз осенью того года он познакомился в редакции «Нового мира» с сотрудницей отдела поэзии Ольгой Ивинской, переводчицей. В его жизнь вошла любовь, которая прибавила силы преодолеть страдания, выпавшие на его долю.

С начала работы над романом автор ни от кого не скрывал ее. Написанные главы читал друзьям, знакомым как у себя дома, так и в гостях. Писал для советского читателя. Что это так доказывает, в частности, договор, заключенный на будущий роман с редакцией журнала «Новый мир», датированный 23 января 1947 года. Во время чисток друзья давали советы, в частности, предложили «усилить и детализовать революционный фон изложения, стоявший на заднем плане. Теперь я его вынес вперед...». Константин Федин, сосед по даче, слушатель романа, поразился, что ни разу в нем не упомянуто имя Сталина. Выводы из этого замечания Пастернак не сделал.

Один из давних хулителей, Алексей Сурков, выступавший против поэта на первом съезде писателей, обрушился на Пастернака в газете «Культура и жизнь», служившей рупором ждановщины. В статье, которую с полным правом можно отнести к разряду политических доносов, утверждалось среди прочего: «советская литература не может мириться с его поэзией».

По Москве пополз слух, что пишет Пастернак «контрреволюционный роман».

Вслед за Алексеем Сурковым Александр Фадеев причислил Пастернака к «нашим идейным противникам».

Нападки не прекратились и в 1948 году. И как результат — опечатавшийся том «Избранного» пошел под нож. Это случилось в апреле. В том же месяце Пастернак пишет: «Мне не на что жаловаться, я доволен жизнью. Но мне хотелось бы поскорее дописать роман». К тому времени романист решил назвать сочинение «Доктор Живаго», главный герой писал стихи и представлялся автору как «некто среднее между мной, Блоком, Есениным и Маяковским».

В следующем году Пастернак приступил ко второй части романа. Как раз тогда началась борьба с пресловутым космополитизмом. Снова прозвучали нападки, на сей раз поэту вменялось в вину его происхождение...

Однако все эти гонения были ничто по сравнению с той бедой, которая обрушилась на голову многие годы ждавшего ареста поэта.

Арест последовал осенью 1949 года. Взгляды, однако, не его. Под стражей оказалась Ольга Ивинская. На четырнадцатый день после ареста ее вызвали к следователю, перед которым лежали книги Пастернака с его автографами.

«Почему вы с Пастернаком, — задал вопрос следователь А. С. Семенов, — собрались удирать за границу? У нас есть точные сведения. Вот что, советуем вам поду-

мать и рассказать, что за роман Пастернак пускает по рукам. Вам известно антисоветское содержание романа?»

Прочитав показания Ивинской, заявил: «Не то вы пишете, не то. Вам надо написать, что он является клеветой на советскую действительность...».

Спустя полгода после ареста Ивинской на Лубянку вызвали Пастернака. Ему предложили по телефону немедленно явиться. А когда явился — выдали изъятые у Ивинской дарственные книги и письма к ней.

Арестовали и отправили в лагерь Ольгу Ивинскую. Наказывали тем самым поэта, хотя его самого не взяли.

И этот удар вынес стоически. «Я по-прежнему живу как хочу, и здоров и счастлив этим правом, за которое готов заплатить жизнью», — писал он спустя год после того, как «любовная лодка» уплыла на долгие годы в холодные воды лагерных рек.

Счастье и смысл жизни придавала работа. Завершался роман, переводились Гете, Шекспир.

Однако силы таяли, осенью 1952 года случился первый инфаркт. Пастернака отвезли в Боткинскую больницу, где он лежал, как все несчастные, пять часов в приемном покое, потом ночь в коридоре до тех пор, пока не освободилось место в палате. Даже здесь, один на один со смертью, видя за окном за верхушками деревьев зарево Москвы, он, по его словам, молился, «ликвал и плакал от счастья».

Осенью 1953 года вернулась Ольга Ивинская, начали возвращаться из лаге-

рей невинные. Но и тогда, чувствуя, что «время мое еще не пришло», продолжал без устали писать роман и стихи в тетрадь Юрия Живаго. «Десять стихов из романа» появились в апрельском номере журнала «Знамя», спустя год после смерти Сталина.

Наступила недолгая «оттепель», но отношения с «сановниками литературы» не теплели, а с «официальной действительностью» оставались натянутыми до предела. Пастернак одним из первых почувствовал, что вместо разоблаченного культа начинает формироваться в печати новый «культ безличья».

**Куль личности лишен величия.
Но в силах культ трескучих фраз,
И культ мещанства и безличья
Быть может вырос во сто раз.
И каждый день приносит тупо
Так, что и вправду невтерпех,
Фактографические группы
Одних свиноподобных рож.**

Растаял снег, наступила весна, а редакции не спешили публиковать «Доктора Живаго».

Константин Федин в узком кругу называл роман «гениальным». Но его подпись оказалась среди подписей пяти членов редколлегии журнала «Новый мир», которые отказали автору в публикации. Произошло это в середине сентября 1956 года.

Однако за несколько месяцев до этого отказа в мае случилось вот что. Как пишут биографы поэта В. М. Борисов и Е. Б. Пастернак: «В мае 1956 года один из членов иностранной коллегии Союза писателей привез в гости к Пастернаку члена Итальянской компартии и сотрудника итальянского радиовещания в Москве Серджис Д'Анджело. В обстановке официального визита один из экземпляров романа с дефектным и неправильным текстом был передан Д'Анджело для ознакомления». (Выделено редакцией).

Здесь хочется внести уточнение. Не для ознакомления отдал рукопись романа Борис Леонидович. А для того, чтобы его напечатали за границей, потому что веры в то, что выйдет книга на Родине, у него почти не осталось.

«У меня сегодня был Серджис Д'Анджело, — сообщил поэт Ольге Ивинской, — эмиссаро крупнейшего издателя Италии Фельтринелли. Он заинтересовался моим романом! И я сказал, что если он им понравится, — пусть используют его как хотят».

«Используют как хотят» это совсем не «ознакомление».

Верно, что сам Пастернак не искал встреч с иностранными издателями, сам к ним не обращался. Однако всем ходом событий был готов к тому решительному шагу, который сделал тогда, в конце мая 1956 года. Итальянский коммунист в разговоре с автором акцентировал внимание на изменении после XX съезда партии политического климата в стране и в мире. После недолгой беседы Пастернак, никому ничего не сказав дома, ни с кем не советуясь, взял и вынес рукопись романа... Прощаясь, сказал итальянцу: «Вы приглашали меня на собственную казнь». Он был готов ко всему, даже к казни.

Когда, ознакомившись с рукописью, издатель сообщил о своем намерении издать роман на итальянском языке, Пастернак 30 июня ему ответил, что будет этому рад, хотя и предвидел: «Если его публикация здесь, обещанная многими журналами, задержится и вы ее опередите, ситуация будет для меня трагически трудной».

Ни казнь, ни трагедия, ничто, однако, не в силах было остановить автора, решившего опубликовать выстраданный роман.

Когда Ольга Ивинская и Серджис Д'Анджело, который понял, в какую опасную историю втянул поэта, уговаривали его дать «задерживающую» телеграмму издателю, тот повел себя так: «Пастернак почти кричал, что мы обращаемся с ним как с человеком без достоинства». «Что должен думать Фельтринелли, которому я недавно писал, что опубликование «Доктора Живаго» есть главная цель моей жизни?».

Телеграмма из Москвы «задерживающая» была им послана латинскими буквами на русском языке. Но результаты она не принесла. И не могла принести.

Потому что, как недавно стало известно из воспоминаний Е. Евтушенко, у ав-

тора была договоренность с издателем — верить только телеграммам и письмам, написанным по-французски!

«Доктор Живаго» вышел на итальянском в ноябре 1957 года. Началось триумфальное шествие романа по земному шару, в течение двух лет его издали на 24 языках!

Спустя год после публикации в Италии Шведская академия наук присудила Пастернаку Нобелевскую премию. До него этой чести из русских авторов удостоивался Иван Бунин. «Бесконечно благодарен, тронут, горд, удивлен, смущен», — телеграфировал в Стокгольм поэт.

Однако совсем другие чувства испытывали «сановники от литературы», и в первую очередь Алексей Сурков, обвинивший Пастернака в предательстве!

Явился на дачу Константин Федин и заявил, что от Пастернака требуют, чтобы он «добровольно отказался» от премии.

Началась невиданная прежде травля в печати, аналогичная тем, что происходили в сталинские времена. В один ряд ставились Иуда, бедный доктор Юрий Живаго и автор. Часть студентов Литинститута, ведомая Николаем Сергванцевым и Владимиром Фирсовым, вышли на демонстрацию с требованием — выслать поэта за границу!

Именно эта угроза и привела поэта к мысли принять важное решение, отказаться от награды, уступить нажиму «официальной действительности». Снова, ни с кем не советуясь, никому ничего не говоря, поехал на телеграф и отправил депешу:

«В связи со значением, которое придает вашей награде то общество, к которому я принадлежу, я должен отказаться от присужденного мне незаслуженного отличия. Прошу вас не принять с обидой мой добровольный отказ». День 29 октября, когда ушла эта телеграмма, стал самым черным в жизни Пастернака. Именно тогда, вечером, выступая на пленуме ЦК ВЛКСМ, председатель Комитета государственной безопасности В. Е. Семичастный предложил выслать поэта из СССР. В начале речи сравнил его с «паршивой овцой». Затем подробно, со знанием предмета сопоставил со свиньей, при этом сравнении предпочтению отдавалось животному. Недавно из интервью с В. Е. Семичастным стала известна подноготная этой акции, подлинное имя автора этих слов. Им оказался Н. С. Хрущев, который наговорил проект речи с образами свиньи и паршивой овцы. Речь правилась М. А. Сусловым.

Что совсем поразительно — ни Семичастный, ни Хрущев, ни Суслов романа тогда не читали, как и те, кто выходил на демонстрацию, кто голосовал за исключение поэта из Союза писателей, осуждал в печати. Повторилась история, памятная со времен 1937 года.

Вот какие смертные муки выпали поэту на 69-м году его жизни.

Пастернак заметался, испугался угроз, написал было об эмиграции, но тут же порвал бумагу: «Пусть будут родные будни, родные березы, привычные неприятности и даже — привычные гонения».

На дом к поэту прислали врача, чтобы глаз с него не спускал, не дал наложить на себя руки. 31 октября Пастернак направил письмо Н. С. Хрущеву: «...Я связан с Россией рождением, жизнью, работой... Выезд за пределы моей Родины для меня равносителен смерти, и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры. Положа руку на сердце, я кое-что сделал для советской литературы и могу еще быть ей полезен». В тот день, когда отправлено было это письмо, общее собрание Союза писателей исключило Пастернака из своих рядов.

К чести русской литературы нашелся в те дни человек, оказавшийся воином в поле, против которого буждала толпа авторов поэм, романов и пьес. То был редактор издательства, где должен был выйти, но не вышел «Доктор Живаго». Он читал роман и не раз, читал с карандашом в руках, мог вникнуть в его содержание, а вникнув, понял то, что сегодня ясно каждому. Анатолий Васильевич Старостин встал и сказал тогда:

— Я получил в руки совершеннейшее произведение искусства. Вы же сделали из него повод для травли.

Так стало меньше на одного члена Союза писателей. Но гражданному СССР не убавилось. Поэтому прибывшему в ЦК объявили, что ему разрешено остаться на Родине.

Вот какой ценой заплатил Пастернак за стремление к свободе. Когда смолкли крики, он написал стихотворение «Нобелевская премия»:

**Я попал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет.
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет...**

Написал и вручил английскому корреспонденту, чтобы тот передал родным сестрам в Англии. Оно было, однако, передано не только сестрам, но и всему миру по радио.

Пастернак вынес все страдания, нашел в себе силы продолжать работу. Писал пьесу... И не сожалел о содеянном, благодарил итальянских издателей за все, что они сделали для него, просил прощения за «обидные неприятности, которые навлекла на вас моя злополучная судьба...».

Рукопись, данная итальянскому издателю, была не единственная, попавшая на Запад.

В 1957 году, в феврале, до выхода романа в Италии, автор подарил еще одну рукопись французскому литературоведу Жаклин де Пруайар. То был машинописный вариант, «за недосугом оставшийся непроверенным», побывавший безрезультатно в редакции «Нового мира» и возвращенный оттуда за ненужностью. Этот текст издан на русском языке в 1978-м за границей усилиями Жаклин де Пруайар.

Как видим, Пастернак стремился, чтобы главный труд его жизни не канул в Лету. На тот случай, если бы вдруг роман оказался конфискованным (а такие опасения вполне были обоснованы, как показывает опыт), позаботился, чтобы копии его остались на свободе.

Природа наделила поэта поразительным жизнелюбием и жизнестойкостью. Он работал после октябрьской бури 1958 года недолго. Вскоре его разбил второй инфаркт, затем скрутил скоротечный рак, напоминающий тот, который перенес пораженный в сердце Александр Твардовский.

Последними на этой земле были два слова поэта, услышанные женой Зинаидой Николаевной. Первое — прости. Второе — рад. Жена отнесла их оба на свой счет. Она полагала, что он был рад, что умирает не ее руками. Мне думается, последнее слово относилось не к ней. Пастернак на смертном одре испытывал главное свое состояние — радость. Только в тот миг он переживал ее от предстоявшего ему таинства перехода от жизни к смерти. Как человек с детства веровавший, радовался вступлению в мир иной — без мук.